

«историки въ простотѣ душевной признаютъ» то-то и то-то (VI, 248). Если вѣрить гр. Толстому, «всѣ описанія общихъ историковъ составлены изъ послѣдовательнаго ряда противорѣчій» (VI, 238); далѣе, «общіе историки не только противорѣчать частнымъ, но и сами себѣ» (VI 239), а всѣ исторіи культуры «наполнены хитросплетенными разсужденіями» (VI, 240), и, наконецъ, объясненія историковъ «могутъ годиться только для дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ» (VI, 248). Или, напр., одна фраза начинается у него такими словами: «для насть, потомковъ не-историковъ, не увлеченныхъ процессомъ изысканія и потому съ незатемненнымъ здравымъ смысломъ созерцающихъ исторію» (VI, 3), а въ другомъ мѣстѣ онъ усматриваетъ у историковъ привычку натягивать «факты на правила исторіи», оставляя себѣ какую-нибудь «лазейку, когда чтѣ не подходитъ подъ ихъ мѣрку» VI, 2); или же еще онъ представляетъ въ смѣшномъ видѣ занятія исторіей, говоря о «профессорѣ, смолоду занимающемся наукой, т. е. читаніемъ книжекъ, лекцій и списываніемъ этихъ книжекъ и лекцій въ одну тетрадку» (VI, 153). Наконецъ, можно указать на мѣста гдѣ гр. Толстой изображаетъ, какъ историки обыкновенно рассказываютъ послѣдовательныя события новаго времени (V, 3—4; VI, 151—152 и особенно 234—235): «напрасно,—говорить онъ въ заключеніе одного такого пересказа,—напрасно подумали бы, что это есть насмѣшка, карикатура историческихъ описаній. Напротивъ, это есть самое мягкое выраженіе тѣхъ противорѣчивыхъ и не отвѣчающихъ на вопросы отвѣтовъ, которые даетъ *всѧ* (подчеркнуто у самаго гр. Толстого) исторія, отъ составителей мемуаровъ и исторій отдѣльныхъ государствъ до общихъ исторій и новыхъ исторій культуры. Странность и комизмъ этихъ отвѣ-